

«БЫТОВОЙ ТЕАТР СЕГОДНЯ — ЭТО НОНСЕНС»

Известия - 2004 -
10 сент. - с. 15

Премьерой спектакля «Сон в летнюю ночь» в постановке Владимира Мирзоева открыл свой сезон Театр им. Станиславского. Долгие годы работавший в этих стенах, а теперь ставший главным режиссером театра, Мирзоев остался верен себе. Визионер и массовик-затейник, путешественник в сферу подсознательного и любитель восточной экзотики, он в очередной раз изготовил то бодрящий, то усыпляющий коктейль из «капустных» гэгов и легких театральных намеков на сложные метафизические обстоятельства. С Владимиром МИРЗОЕВЫМ встретила обозреватель «Известий» Марина ДАВЫДОВА.

— «Сон в летнюю ночь» всегда казался мне не столько смешным текстом, сколько страшным...

— Конечно. Находясь в пространстве сновидения, мы все время скользим между образами — ужасным и очаровательным, между эротикой и кошмаром. И мы старались в своем спектакле более или менее этот принцип соблюсти. То есть пройти вслед за Шекспиром по зыбким границам смерти.

— Я думаю, страшное во сне состоит не просто в размывании границ, а в том, что там сняты все моральные ограничения и ты — или, точнее, тот, с кем ты себя отождествляешь, — можешь позволить себе то, что в реальной жизни жестко табуировано. Это пространство вседозволенности.

— Согласен, согласен. Но ведь отчасти театр всегда делает шаги в эту сторону. Пытается снять табу. Пространство сцены допускает гораздо больше экспрессов — и эмоциональных, и языковых, и образных, — чем пространство жизни. Может быть, это меня в театре и увлекает больше всего. Бытовой театр сегодня — это некий нонсенси. Он уместен на ТВ, но не на сцене.

— А раньше был уместен?

— Когда не было телевидения и перед рождением кинематографа... Тогда натуралистический театр, которым увлекался ранний МХАТ, был совершенно уместен.

— Кинематограф взял на себя много функций. В том числе и по разрушению табу, и по размыванию всех и всяческих границ. И возможностей у него для этого куда больше, чем в театре. У вас в связи с этим не возникает ощущения, что вы — а значит, и я — занимаетесь сейчас каким-то неактуальным видом искусства?

— При желании можно сказать, что поэзия сегодня неактуальна. Поэты не собирают стадионов. (Хотя такой поэт, как БГ, собирает.) Но я думаю, что если говорить о личности, а не о толпе, то сейчас поэзия актуальна как никогда. И театр актуален.

— Театр по определению искусство более социальное, чем поэзия. Ему сложно отгородиться от потока жизни за театральной стеной. И у меня есть ощущение, что сейчас наш театр не умеет взаимодействовать с этим потоком. Он растерян перед ним.

— А у меня есть ощущение, что, когда театр пытается бежать за потоком, он как раз и теряет свою роль и начинает подменять газету, телевидение...

— Когда я говорю об актуальности, я имею в виду не примитивную газетную актуальность, а поиск адекватного современной жизни театрального языка.

— Но язык — это же не просто жизнь формы. Это жизнь формы, вынужденная каким-то содержанием. А актуальное искусство отличается, на мой взгляд, невероятной степенью бессодержательности. Мне хотелось бы не актуализации театра, нет. Миссия театра совсем в другом — возможно, быть современным мифотворцем... Театр для меня — это скорее современная форма акмеизма. Это нечто очень личностное, конкретное, но при этом здесь всегда должна быть мера ускользания от реальности в метафизику.

Я довольно долго жил в Канаде, в Торонто, который по интенсивности театральной жизни является третьим городом после Нью-Йорка и Лондона. Там огромное количество театров. В основном это маленькие, маргинальные компании. Они связаны либо с гей-коммьюнити, либо с чем-то в этом роде. Чаще всего это именно тот социальный театр, о котором вы говорили. Я убедился, что для сцены, для языка искусства такое «пролеткультовское» направление бессмысленно. Театр топчется где-то между кабаре и митингом и не может сдвинуться с места. Зато в Канаде чрезвычайно интересный современный танец. Я очень этим увлекся. Мне до сих пор интересно инкорпорировать модерн-данс в драматическое действие. Я и в нынешней премьере попытался это сделать.

— Так мы с вами, собственно, об одном и том же говорим. Современный танец, а вовсе не акционизм и уж тем более не агитпроп — это как раз и есть для меня самая что ни на есть актуальная форма сценического искусства. И, кстати, на Западе современный театр все чаще начинает не просто инкорпорировать современный танец в ткань драматического представления, но и существовать по его законам. Я все чаще встречаю спектакли, лишенные нарратива, с дробной структурой, построенные не на логических, а скорее на ассоциативных связях.

— Вот видите, вы сами подтверждаете мою мысль, что театр — уж не знаю, актуальный или нет, — все больше становится поэзией, а значит, пытается не упрощать, но усложнять художественную мысль. И я этому не перестаю радоваться.

— Так сложилось, что ваша команда — Маковецкий, Суханов, Владимир Симоннов, Юлия Рутберг — продолжает работать в Театре Вахтангова, вы же стали главным режиссером театра, в котором вашей команды нет. Вам не кажется это несколько дискомфортным?

— Нет. Я стараюсь искать новых людей, новые отношения. Театр должен быть открытой проточной системой, иначе не успеешь оглянуться, как будешь сидеть куликом на болоте — и хвалить себя, хвалить... Групповая энергия, которая, собственно, и порождает спектакль, быстро иссякает. Например, в Театр Вахтангова я не могу набрать по своей воле десять молодых артистов. А здесь — могу. И это дает огромное преимущество. Я и для «Сна в летнюю ночь» набрал компанию, для которой витальность, эротизм и легкое дыхание — естественная часть жизни. Некоторые из них, кстати, еще студенты.

Сегодня театр, даже академический, живет все-таки не репертуаром, но спектаклем, отдельным проектом. Театр-дом или, лучше сказать, театр-поместье с крепостными артистами, с барином, который одних любит, другим не благоволит, — это очень архаичная форма, губительная и для актеров, и для режиссеров. У нас ведь сформировалось целое поколение артистов, которые полагают правильным, если на них в театре кричат, стульями бросают. И потом, замкнутая система (видимо, в силу невероятной плотности жизни) очень быстро начинает саму себя пожирать. В общем, как только ты замыкаешься в своей, милой сердцу, эстетике — тут-то все и заканчивается.

— Театр Станиславского для вас обжитой театр. И, кажется, на этой сцене вы ставили одни комедии — «Ревизор», «Женитьбу», «Укрощение строптивой», «Двенадцатую ночь»...

— Я бы уточнил — классические комедии. Были еще современные пьесы — отнюдь не комедийные.

— Но случайность это или закономерность, что из хрестоматийной классики вы выбирали для этих подмостков, как правило, комедийный жанр?

— Ну, это скорее дирекция из списка предложенных мною пьес выбирала обычно комедии. Что естественно.

— Почему естественно?

— Для дирекции? Потому что она отождествляет этот жанр с кассой.

Мирзоев Владимир
(режиссер)

10.09.04